

Устье реки Невы до основания Санкт-Петербурга.
Фрагмент шведской «Генеральной карты провинции Ингерманландия»,
составленной Э. Белингом, 1678 г.

что действительно кажется: он возник *ex nihilo* — из ничего, а мифы призваны хоть как-то рационализировать это чудесное явление.

Исторический контекст возникновения Петербурга хорошо известен. Россия к концу XVII века ощущала острую необходимость развивать морские торговые пути. Это было условием выживания государства и народа в стремительно менявшемся политическом ландшафте мира, где морская торговля играла исключительную роль. Единственным портовым городом Московского царства на тот момент был Архангельск. Возить товары туда было далеко и неудобно, навигация была короткой и опасной. Предпринятая Петром война за Балтику оказалась идеальным решением, тем более воевали за бывшие новгородские земли, а у Швеции было много врагов в Европе (чем Петр умело пользовался в своей внешней политике). Петербург стал ответом на геополитический вызов времени. Понятно, что для

защиты торговых путей требовался сильный военно-морской флот, для его строительства нужны были технологии, которые можно было взять только у европейцев. Отсюда — стремление Московского царства сблизиться с Европой, перенять на Западе прогрессивный технологический уклад и, как следствие, образ жизни. Строительство Петербурга стало актом преобразования русской жизни на продвинутый европейский манер. Этот европейский вектор русского бытия на самом деле существовал задолго до Петра Великого: Московское царство стало серьезно открываться Западной Европе еще при первых Романовых, а может, и раньше. Уже в XVII веке русская церковная культура начала постепенно впитывать западные образцы, «обмирщаться», то есть становиться светской, как в Европе. В Москве работала греко-латинская академия и существовал Кокуй — немецкая слобода, в которой фактически воспитывался наследник престола, будущий царь-реформатор... Строительство Петербурга придавало процессу европеизации России по-настоящему азиатский размах.

Но за чистой исторической прагматикой — необходимостью строить флот и рубить «окно в Европу» — было, конечно, и еще что-то — то, что невозможно объяснить рационально. Петр строил свой город с присущим русскому человеку умением терять голову: в письмах Меншикову он называет Петербург «парадизом», а Меншиков в ответ — «святой землей»²⁴. Да и название Санкт-Петербург возможно трактовать как «святой город Петра». «Правильной» калькой с немецкого был бы Санкт-Пetersбург — с притяжательным суффиксом «с» (как в английском — Saint-Petersburg), однако название строится по славянской модели, давая двойную трактовку топонима: или город Святого Петра, или святой город Петра.

Петербург обрел статус столицы фактически в 1712 году: впервые в официальной бумаге город назван «царствующим градом» (само по себе это словосочетание адресует

Основание Санкт-Петербурга. Гравюра П. А. Новелли, до 1804 г.

к Царьграду — Константинополю). До заключения Ништадтского мира в 1721 году — то есть в течение девяти лет — столица России располагалась на землях, формально принадлежавших Швеции, логистически и культурно отрезанных от большой России. Дидро указывал Екатерине Великой на удивительное положение Петербурга, говоря, по сути дела, не о самом городе, а об уязвимости от такой чрезмерной открытости России Западу: столица империи «как сердце — в мизинце... даже маленькая рана — смертельна!». А Ключевский обратил внимание на то, что если уж Петру требовалось «прорубить окно в Европу», то следовало бы переместить столицу России, например, в отвоеванную у шведов Ригу, которая была хорошо укреплена и находилась прямо на Балтийском море, а не в его «медвежьем угле» — на мелководье Финского залива. Тем не менее выбор пал именно на Петербург. Здесь можно было строить «из ничего», заново и с чистого листа, как бы окончательно порвав

с предшествующей традицией. В 1714 году Петр издал указ о запрещении каменного строительства где бы то ни было помимо Петербурга: таким образом, каменный петербургский парадиз был зримо противопоставлен деревянной Руси.

Мы видим, что Петербург — город, созданный всем русским XVII веком с его страстными религиозными переживаниями, которые выразились в церковном расколе 1666 года и в постоянных ожиданиях скорейшего конца света. Но с Петербургом этот век заканчивается. Эпоха Петра является водоразделом между Древней Русью и новой Россией: в широком смысле Древней Русью мы называем допетровскую Россию. Петербург знаменует собой коренной слом предыдущей эпохи, исторический надрыв. Это важнейшая мифологема города. Она проявляется в очень разных вариациях: прежде всего в том, что Петербург не укорененный город. Он построен на зыбких основаниях: «на берегу пустынных волн», на топях и болотах, на костях строителей. «В болотные топи велел [царь] втоптать тела ста тысяч мужиков», — напишет польский поэт Адам Мицкевич²⁵. При всей абсурдности таких утверждений они необыкновенно живучи. Хорошо известно, что при шведах провинция Ингерманландия была далекой окраиной королевства, тем не менее достаточно обжитой. К слову, в районе Охты находился целый шведский город Ниен, на месте Летнего сада — шведская усадьба, русские и финские деревни располагались по берегам Невы и на островах. По Неве активно сплавляли лес. Болотистыми были лишь отдельные участки невской дельты, да и в России умели строить и на болотах, и в худших природных условиях (вспомним, к примеру, грандиозную крепость на Соловках). Несмотря на тяготы первых лет строительства города, вряд ли можно говорить о каких-то невероятных жертвах среди строителей. Известно, что работы осуществлялись в теплый сезон — с конца марта по октябрь, причем артели присылали на стройку сменами на два-три месяца, по окончании которых они отправлялись домой.

Из-за войны рабочих катастрофически не хватало, поэтому их берегли. Современный анализ исторических документов показывает, что «смертность среди первых строителей Петербурга, составлявшая в среднем 6–8%, была обычной для того времени и во много раз меньше цифр, приводимых иностранными наблюдателями»²⁶.

В крайнем своем воплощении мифологему «умышленности» Петербурга мы встречаем в современной «альтернативной истории», которая утверждает, что Петербург был откопан, что это — легендарный древний славянский город Винета, погрузившийся под воду вместе с северной страной Гипербореей в результате чудовищного катаклизма, вызванного, вероятнее всего, инверсией магнитного поля Земли («переплюсовкой»). Доказательства обширны. Здесь и «вкопанные в землю» цокольные этажи старинных зданий, хотя известно, что весь XVIII век в Петербурге строили «дома на погребках». При частых наводнениях жилые покои в таких домах оставались нетронутыми. До нас дошел в практически первозданном виде дом Троекурова на 6-й линии Васильевского острова, 13, у Андреевского собора: сейчас в нем работает ресторан, и «погреба» можно увидеть воочию. Здесь и колонны Исаакиевского собора, которые, само собой, невозможно было изготовить в условиях XIX века, хотя весь процесс строительства хорошо задокументирован вплоть до смет, а модели старинных механизмов для работы с камнем хранятся в музее Горного института. В Выборге, откуда привозили знаменитый розовый гранит рапакиви, можно увидеть заготовки колонн, а в Республике Карелии, в пяти часах езды от Петербурга, на месте каменноломен, где добывали мрамор в том числе и для Исаакиевского собора, сегодня работает популярный музей под открытым небом — горный парк «Рускеала».

Надо сказать, мысль о том, что город был обнаружен уже готовым, впервые была сформулирована в фантастической

повести «Саламандра» (1841), которую написал директор Румянцевского музея, мистик и «русский Фауст» князь Владимир Одоевский. В этом тексте приводится якобы финская легенда об основании Петербурга.

И стали строить город, но что положат камень, то всосет болото; много уже камней навалили, скалу на скалу, бревно на бревно, но болото все в себя принимает, и наверху земли одна топь остается... Царь... смотрит, нет еще его города. «Ничего вы не умеете делать», — сказал он своим людям и с сим словом начал поднимать скалу за скалою и ковать на воздухе. Так выстроил он целый город и опустил его на землю²⁷.

Для города «вне контекста» само его основание становится космогонией — творением целого мира, в котором Петр Великий выступает в роли творца-демиурга. В знаменитой книге «Душа Петербурга» 1922 года культуролог Николай Андциферов показал, что строки об основании города в пушкинском «Медном всаднике» напрямую связаны с Шестодневом. Пушкин рассказывает миф о рождении Петербурга так же, как Книга Бытия рассказывает о творении мира и человека (Быт. 1:1–31).

*На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко.
<...>
И думал он:
Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.*

Иллюстрация А. Бенуа к поэме А. Пушкина
«Медный всадник», по изданию 1936 г.

<...>

*Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво...*

Здесь, как и во всей поэме, Петр не назван по имени: имя Бога в Библии табуируется. Петербург творится словом и мыслью: «И сказал Бог: да будет свет! И стал свет» (Быт. 1:3)*. Сам акт творения заканчивается «любованием» его результатами: «И увидел Бог, что это — хорошо» (Быт. 1:10).

Развивая мысль Анциферова, следует заметить, что creatio ex nihilo не единственная космогоническая концепция, которая присутствует в Библии. По мнению ряда исследователей, библейский Шестоднев представляет собой развитие ближневосточного мифа о примордиальном сражении Бога с чудовищем,

---

* Здесь и далее цитаты даются или по синодальному переводу Библии (на русском языке), или по Елизаветинской Библии (на церковнославянском языке).
Прим. авт.

символизирующим силы зла. Отголоски этого мифа мы находим и в Библии, например у пророка Исаяи: «Восстань, мышца Господня... Не ты ли сразила Раава, поразила крокодила?» (Ис. 51:9) — или в Псалмах: «Ты разможил головы Левиафана, отдал его в пищу диким зверям!» (Пс. 73:14.) Как и в историях о примордиальной битве, хаос все же не уничтожен и не изгнан, но лишь ограничен, то есть встроен в космический порядок безопасным для мира образом: верхние воды отделены от нижних, тьма — от света, а с Левиафаном заключен договор о подчинении. Могущество Бога, таким образом, состоит не в отсутствии противных Ему сил, но во власти удерживать эти силы в определенном для них месте и препятствовать их выходу за границы. «Мир в принципе находится в опасности. Лишь властное вмешательство Бога и его вечная бдительность предотвращают катастрофу»²⁸.

Если Петр Великий — демиург, то город удерживается от гибели его «вечной бдительностью», вечным сражением с силами хаоса. «Медный всадник, — мы все находимся в вибрации его меди», — скажет Александр Блок. На памятнике Петру Первому на Сенатской площади конь топчет змею, которая во многих культурах является олицетворением хтонических сил, а композиция памятника, безусловно, связана с образом святого Георгия — героя-змееборца. Исчезновение Медного всадника приведет к гибели города — так утверждает старинная легенда о «сне майора Батурина», которая могла лечь в основу пушкинской поэмы или, наоборот, была поэмой порождена:

В 1812 году, когда опасность вторжения грозила Петербургу, государь Александр Павлович предполагал увезти статую Петра Великого, и на этот предмет статс-секретарю Молчанову было отпущено несколько тысяч рублей. В приемную к князю Голицыну, масону и духовидцу, повадился

ходить какой-то майор Батурина. Он добился свидания с князем (другом царевым) и передал ему, что его, Батурина, преследует один и тот же сон. Он видит себя на Сенатской площади. Лик Петра поворачивается. Всадник съезжает со скалы своей и направляется по петербургским улицам к Каменному острову, где жил тогда Александр Павлович. Всадник въезжает на двор Каменноостровского дворца, из которого выходит к нему навстречу задумчивый и озабоченный государь. «Молодой человек, до чего ты довел мою Россию? — говорит ему Петр Великий. — Но покамест я на месте, моему городу нечего опасаться!» Затем всадник поворачивает назад, и снова раздается тяжело-звонкое скаканье. Пораженный рассказом Батурина, князь Голицын, сам сновидец, передает сновиденье государю, и в результате статуя Петра Великого оставлена в покое²⁹.

Главной угрозой творения являются укрощенные примордиальные силы, готовые в любой момент взбунтоваться и уничтожить все живое. В Библии такой бунт описан в истории потопа. Она излагается в нескольких очень разных вариантах. Согласно одному из них, так называемому жреческому кодексу Пятикнижия, потоп вызван тем, что «разверзлись все источники великой бездны и отворились небесные окна» (Быт. 7:11). Картина представляется таковой: мир находится посреди первозданного хаоса, словно плавает в мировом океане. Космос, отделенный от хаоса, упорядочен и пригоден для жизни, однако границы между хаосом и космосом не являются непроницаемыми: у хаоса есть возможность проникнуть в космос через «источники бездны» и «окна в небе» («хляби небесные»). И именно это и случается во время потопа — допущенный к действию хаос врывается в мир и уничтожает жизнь. В другом источнике сказания о потопе — который в библеистике называется «яхвист» — говорится, что катастрофа вызвана умножением

Наводнение в Санкт-Петербурге 19 ноября 1824 года.
Рисунок неизвестного автора из ежегодника с описанием
примечательных объектов и событий, изданного в Вене в 1825 г.

греха. Это кара за первородный грех. «И увидел Господь, что велико развращение человек на земле... И раскаялся Господь, что создал на земле человека... И сказал Господь: “Истреблю с лица земли человек!”» (Быт. 6:5–7).

Культуролог Константин Душенко считает, что именно библейская история потопа легла в основу петербургской эсхатологии. В пушкинском «Медном всаднике» речь идет о вполне конкретном наводнении, случившемся 7 ноября 1824 года, но сам текст носит универсальный характер: он описывает сценарий гибели творения Петра в морской пучине. Заметим, что у Пушкина, прямо как в жреческом кодексе Пятикнижия, потоп вызван бунтом хтонических сил, когда-то побежденных Петром, но стремящихся взять реванш. С выходом в свет пушкинской поэмы «идея конца стала сутью города, вошла в его сознание», а напоминание о бушующей стихии стало частью его визуального кода»³⁰ — в городе появились таблички о высоте воды на русском и немецком языках. Светская байка утверждала, что младший

современник наводнения Михаил Лермонтов «любил чертить пером и даже кистью вид разъяренного моря, из-за которого подымалась оконечность Александровской колонны с венчающим ее ангелом»³¹.

В других же версиях этой городской мифологемы потоп — это наказание за первородный грех новой столицы, за гибель первостроителей города (датский посланник «насчитал» аж 60 тысяч погибших!). А если говорить шире — то и за грехи всей царской России. Поэтому потоп погубит не только Петербург, но и деспотическую царскую власть. Постепенно легенда о неотвратимом возмездии, которое настигнет город, начинает инкорпорировать другие легенды: «пророчество» царицы Евдокии, историю о кикиморе на колокольне Троицкой церкви, представления старообрядцев о Петре как об Антихристе...

Пророчество первой жены Петра Евдокии Лопухиной, которая была заточена в монастырь еще в 1698 году, записано со слов царевича Алексея на следствии в 1718 году: «...и было-де откровение ей самой [Евдокии] и иным... что Питербурх не устоит за нами: “Быть-де ему пусто; многие-де о сем говорят”»³². Интересно, что Евдокия ничего не говорила о потопе: ее слова, скорее всего, адресовались к болезни Петра и возможной сдаче новой столицы шведам. Само выражение «быть пусто», скорее всего, является аллюзией на ветхозаветные пророчества. Пророк Иеремия возвещает о гибели Иерусалима и вавилонском пленении евреев так: «Дом сей сделается пустым» (Иер. 22:5). В пользу библейского первоисточника этих слов говорит и то, что откровение внушил Евдокии ее духовник — ростовский епископ Досифей. Епископ обещал царице, что Петр к ней вернется, они родят детей, а жизнь народа станет легче, если только «строение Петербурга умалилось и престало».

История о кикиморе также восходит к следственным материалам Петровской эпохи. В протоколах Тайной канцелярии

Литовский замок и рынок в 1921 г. (сверху).

Руины на Васильевском острове в 1921 г. (снизу).

Гравюры А. Шиллинговского из цикла «Петербург.

Руины и возрождение», 1923 г.

за 1722 год описывается такой случай. Якобы на колокольне Троицкой церкви по ночам стали раздаваться странные звуки — «великий стук с жестоким страхом, подобием бегания». Дело было под Рождество, и поп Герасим заключил, что в храме завелась кикимора. Прослышавший об этом дьякон Федосеев понял, что это неспроста, а потому что «Питербурху пустеть

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

